

ВЕНИАМИН БЛАЖЕННЫЙ

Известный или неизвестный —
я был поэтом на Руси...

* * *

Разыщите меня, как иголку пропавшую в сене,
Разыщите меня — колосок на осенней стерне, —
Разыщите меня — и я вам обещаю спасенье:
Будет Богом спасён тот, кто руки протянет ко мне!..

Разыщите меня потому, что я вешее слово,
Потому, что я вечности рвущаяся строка,
И ещё потому, что стезя меня мучит Христова,
Разыщите меня — нищebroда, слепца, старика...

БЛАЖЕННЫЙ Вениамин Михайлович (1921–1999) родился в селе Копысь Оршанского уезда Витебской губернии. После первого курса Витебского учительского института оказался в эвакуации (1941), работал учителем истории. В 1946 вернулся в Белоруссию, жил в Минске, работал переплётчиком, художником комбината бытовых услуг, фотографом-лаборантом в артели инвалидов. Переписывался с Борисом Пастернаком, Виктором Шкловским, Арсением Тарковским. Первые стихи датируются 1943; первая публикация в 1982; первая книга вышла в 1990. Поэзия Блаженного уже в начале 90-х привлекла к себе внимание своей религиозной заостренностью. В своё время Марина Цветаева написала такие строки: «Моим стихам, как драгоценным винам, настанет свой черёд». Вениамин Блаженный запомнился нам другими строчками: «Известный или неизвестный — я был поэтом на Руси...»

Я не так уж и слеп, чтобы вас не увидеть, когда вы
Забредёте в шалаш, где прикрыта дерюгою боль
И где спрячу от вас я сияние раны кровавой:
Я боюсь, я боюсь, что в руках ваших ласковых — соль...

29 августа 1981

* * *

Пускай моя душа с сумой бредёт по свету,
Пускай она в пути шалеет от тоски:
— Подайте, мужики крещеные, поэту,
Беру я серебро, беру и медяки.

Беру я куличи, беру и оплеухи,
Беру у зверя шерсть, помёт беру у птах...
Подайте, мужики, свихнувшемуся в Духе,
Зане меня в пути одолевает страх.

Но нет, не мужики пойдут за мною следом,
Крещён он или нет, мужик — мужик и есть,
Я трижды поклонюсь своим всесветным бедам,
Мне, смерду, одному такая в мире честь.

Один, один лишь я стоял под грозным небом,
Устав от суеты и горестных погонь,
И то, что в слепоте вы называли хлебом,
В худых моих руках клубилось, как огонь...

* * *

Моя бедная мать, моя горькая в поле осина,
Как томишь ты меня, как дорога к тебе далека!..
Я приду и умру, пожалей непутёвого сына,
Как на тонких ветвях, на твоих я поникну руках.

Моя бедная мать, моя белая чайка на взморье,
Как ты кличешь меня, как ты плачешь, носясь над волной!..
Унесло меня вдаль, укачало волной на просторе,
Уплывает волной то, что было до гибели мной.

Моя бедная мать, помешавшаяся голубка,
Не кружись надо мною, не засти крылом своим даль...
В гробовую рубаху меня завязала разлука,
Не распутать узла и не встретить тебя никогда...

Декабрь 1972

* * *

Душа, проснувшись, не узнает дома,
Родимого земного шалаша,
И побредёт, своим путем влекома...
Зачем ей дом, когда она — душа?

Возьмёт не все их, но с собой в дорогу
Возьмёт душа неодолимый путь,
Где шаг за шагом я молился Богу
И шаг за шагом изнывал от пут.

И всё в пути бредя необратимом
Просторами небесной колеи,
Возьмёт душа моё земное имя
И горести безмерные мои.

Какой-то свет таинственный прольётся
На повороте времени крутом,
Но цепь предвечная не разомкнётся
Ни на юдольном свете, ни на том.

* * *

Где мать моя живёт?..

В какой теперь лачуге
За призрачным столом из трёх косых досок
Мелькают в тишине натруженные руки
И штопают сто лет для мальчика носок?

Что смерть ей, когда ждёт домашняя работа,
Когда не кончен труд извечный над носком?
«О, Господи, опять я штопала в субботу,
Но мальчик во дворе играет босиком...»

...Умру и я, и Бог уснёт в небесной шири,
Созвездьям и мирам положен краткий срок,
Но вечно будет мать в бездомном нашем мире
Над чем-то хлопотать и штопать свой носок...

7 апреля 1974

* * *

Я буду безответней зверя,
Собаки с трепетным хвостом.
Я, словно пёс, уже потерян
Моим Владыкою Христом.

Мой плач сидит на царском троне
И чешет лапою живот.
Он в бриллиантовой короне
И пахнет псиной от него.

Чужие острые ботинки
В меня впиваются как хлыст!
И даже запах острой псины
Меня преследует как свист.

Возьмите лапы и ладони
И вбейте гвоздь — я так хочу!
На все бывшее и седое
Пролить кровавую парчу.

Ах, в этом мире все на месте —
На месте жертва и палач.
А я изгрыз порог созвездья —
Отдай мне, Боже, детский плач!

Я буду мукой изувечен,
Возвышен и очеловечен,
Когда швырнет меня палач
К твоим ногам, о детский плач!

* * *

Боже, Боже, разве я не ангел,
Разве не мои это глаза
Из печали и небесной влаги,
Где так робко светится слеза?..

Разве не мои это запястья
Со следами узника тюрьмы,
Разве не был побирушник счастлив,
Странствуя дорогами сумы?..

Все, что видел иступленный взор мой,
Становилось чем-то неземным,

Становилось таинством нагорным,
Вековечным чем-то и иным.

Путники, хромавшие в бессилье,
Изнывающие от потуг, —
У меня одалживали крылья,
Возносились духом в высоту...

Даже мертвым — вечным нищebroдам,
Чьи глаза ушли в такую даль, —
Говорил я что-то мимоходом,
Что могло утешить их печаль...

* * *

Когда я умом так загадочно тронулся,
Как трогает ветер листву перед бурей,
Я стал обладателем дикого голоса —
В нём крики и хохот и бешенство фурий.

Но голос порой становился серебряным,
Когда я касался седин материнских,
И мать проходила со мной под деревьями,
Вокруг раздавались весёлые пiski.

Ах, всё это детства и флейты и скрипочки,
Беспечного детства благие деянья...
Вот мальчик — в траве, он поднялся на цыпочки
И Господа Бога увидел сиянье.

6 ноября 1993

* * *

Это буду не я, это будут лоскутья молитвы.
Или крылья птенца, или легкий полет мотылька.
И еще будут все мои мысли травой перевиты,
Как травой перевиты побежки букашки, жука.

И лоскутья молитвы за пазуху ангел припрячет,
А потом развернет их на небе — сей свиток святой:
«Вот, Господь, посмотри, как живая душа его плачет!
Это тот, кто без Бога остался в миру сиротой».

* * *

Я подумал о выделке слез, о чеканке их строгой,
Чтобы слезы гранить, нужно годы, рука, мастерство.
И, конечно же, эта рука благородная Бога,
А не просто смятенного духа и влаги родство.

Чтобы слезы гранить, нужно сердце избрать человечье,
Как порой выбирает гранит или мрамор творец.
И калечить его, и его благородно калечить,
Чтобы стало оно образцом своих мук под конец.

Вот тогда-то и слезы из глаз потекут, вот тогда-то
Заиграет живыми лучами их дивная грань.
Эти камни — смарагда, рубина, граната, агата —
Их гранила и в мир обронила Господняя длань.

* * *

Моя заботушка, Марина,
Я обниму тебя за гробом,
Из петли мученицу выну,
Почту усердием особым...

Не муж, не друг, и не поклонник —
Какой-то спутник пепелища,
Такой же проклятый покойник,
В могилу выплюнутый нищий...

Маринушка, рубец на шее —
Он не дает прорваться вздоху,

А вздох — он молит о прощенье:
«Прости, Господь, свою дуреху...

Прости, Господь, меня, горюху,
Ожесточилась — не стерпела,
Петлей накинула разлуку
На душу грешную, на тело...»

Маринушка, стоим мы оба
И бьем в порог господний лбами...
Похорошели мы у гроба,
В кровавой выкупались бане.

1998

* * *

Ангел, мой ангел, слезой изукрашенный,
Словно ребенка волшебною кистью,
Больше меня ни о чем не расспрашивай,
Я пролетаю спасенною высью.

Горе мое — ты и радость нетленная,
Брат мой, в судьбе первородного слова.
Мы разминулись одной вселенною
И во вселенной мы встретились снова.

В небе цветешь ты как Божие деревце,
Я же путем пролетаю безвестным.
Не на что больше мне в мире надеяться —
Жду и надеюсь на встречу с чудесным.

1999

* * *

Воробушек, посол Христа отважный,
Сказал, что я Христу зачем-то нужен.
Но не настолько дело это важно,
Чтобы послу не искупаться в луже.

И сам Христос с улыбкою несмелой
Возник в сиянье солнечных лучей:
«Такое вот, дружок, — сказал он, — дело.
Позвал тебя — да и забыл, зачем».

«А дело в том, — затенькали синицы, —
Что мы живем лишь несколько минут!
И будем мы беспечно веселиться,
Покуда нас из пушек не убьют!»

Христос, пригладив крылышки у птицы,
Сказал — и просветлела высота:
«Людские прегрешенья — небылицы.
Блаженны возлюбившие Христа!»

* * *

Когда бы так заплакать радостно,
Чтобы слеза моя запела...
И, пребывая каплей в радуге,
Светилось маленькое тело.

Чтобы слеза моя горчайшая
Была кому-то исцеленьем,
Была кому-то сладкой чашею
И долгой муки утоленьем.

Когда бы так заплакать бедственно,
Чтобы смешались в этом плаче
Земные вздохи и небесные,
Следы молений и палачеств.

Заплакать с тайною надеждою,
Что Бог услышит эти звуки —
И сыну слабому и грешному
Протянет ласковые руки.

1997

* * *

Не прогоняй меня, Россия...
Пускай душа моя дрожит,
Как на ветру листок осины...
Но только тут хочу я жить.

Но только тут, где мной исплакан
Земной кладбищенский простор...

Ведь даже есть и у собаки
Какой-то лаз, какой-то двор.

...Сыщи хоть мертвому мне место,
Хоть душу в памяти спаси...
Известный или неизвестный —
Я был поэтом на Руси.

1998

* * *

А это Пушкин кровью истекает,
А это Лермонтова грудь прострелена, —
Так вот, земля, любовь твоя какая,
А ведь тебе любить их было велено.
Так вот, земля, каков ответ твой Богу,
Каков итог твоей разбойной смелости,
А Бог ведь спал, забыв свою тревогу,
А Бог ведь думал, что поэты в целости.